

Игра в жизнь

Завьялов Леонардо

Игра в жизнь

<https://litres.ru/74642799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два интеллектуала, разные по своей природе, сталкиваются, и пытаются построить жизнь там, где существует лишь театр.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Завьялов Леонардо

Игра в жизнь

Игра в жизнь

Гений ответственен лишь перед самим собой; он единственный судия своих действий, ибо он один знает их коренную цель. Он должен стать выше законов, ибо призван преобразовать их; а кто стал властелином своего века, тот может всё брать, всё ставить на карту, ибо всё принадлежит ему

© Оноре де Бальзак

Часть I

Яркое июльское солнце освещало средних размеров город, и только в аллее близ реки можно было сыскать спасения от его лучей. По ней шёл молодой человек, лет, вероятно,

но, восемнадцать, любуясь тихо устремлявшимися к берегу волнами. Длинные его волосы развивались на легком летнем ветру, а его походка была уверенной, быстрой, словно он куда-то спешил, хотя его мертвецкая худоба, словно из него все соки истинной жизни уже высосаны, создавала впечатление «бегущей тени». Лицо его, наоборот, бывало, жизнью играло, краснея в минуты волнения и бледнея в моменты ужаса, смущаясь при курьёзах и улыбаясь от шуток. В действительности же Пьер, как звали этого прохожего, никуда не спешил, лишь имел привычку ходить стремительно. Он любил это место, стараясь всякий раз проходить через него, находясь в центре города. Пьер размышлял над тем, что его ждет через полчаса: он шёл на собрание литературного клуба, где будут обсуждать книгу, прочитанную Пьером как раз к этому случаю. По обыкновению, в ней не было никаких прямых указаний на *великое*, поэтому приходилось искать косвенные указания, какие Пьер считал ненастоящими. Тем не менее он надеялся, что «ненастоящие указания», найденные другими, подтолкнут его в какое-нибудь занятное размышление.

Пьер размышлял много. Чаще всего это происходило на улице. Он намеренно выбирал пеший путь, несмотря на наличие общественного транспорта в городе, только чтобы предаться какой-нибудь неразрешённой еще мысли, мучившей его тяжелую голову, постоянно склонявшуюся в задумчивости вниз. Он размышлял обо всём: о том, как стоит

устроить общество и государство, о том, что стало первопричиной мира, о том, что будет завтра, и проч., и проч., и суждения его колебались от настроения: в один момент он склонялся к демократии, в другой – к атеизму, в третий – к абсолютному я, в четвёртый – к планам на завтра.

Куда он уплывёт в реке логического размышления теперь? Да и поставит ли он свою лодку именно на эту реку? Ах, слишком хороший день для раздумий! Сегодня он погрузиться в мечтания. Сперва он вспомнит о знакомстве неделю назад: Пьер познакомился с хорошенькими студентками со старших курсов своего университета. Потом будет жить с ними вместе (с обоими!). Затем придумает себе сына, который, ожидаемо, будет точной копией его самого, но «лучше». В конце концов Пьер придёт к моменту, когда поймёт, что больше ничего не хочет достигать и проживать, к моменту старости, вспомнит музыкальный мотив, напоминавший ему старческое угасание, и тогда забросит эти грёзы, вынырнет из уже захватившего его водоворота мечт и решит составить план сближения с ними, но дальше идеи позвать их в аллею гулять не зайдёт.

Лоренцо, спешивший на ту же встречу литературного клуба, наткнулся на Пьера как раз тогда, когда тот всем разумом своим был устремлён вдаль желаний. Поздоровавшись, они было начали говорить, однако Пьер, отвечая неохотно ввиду

нахождения «не в этом мире», свёл диалог на нет. Они продолжили путь в тишине.

Пока голова мечтает об абстрактном, глаза грезят более приземленно: Пьер заглядывается на каждую проходящую мимо девушку.

- Тебе нет дела до конкретных студенток, знакомство с которыми ты мне с таким упоением вчера описывал. – сказал Лоренцо, заметив его блуждающий взгляд.

- Нет, Лоренцо. Студенток, как ты выразился, я люблю, а прохожими девушками лишь люблюсь.

- Ты сам себе врёшь, мой милый друг...

Противоречие думать об одних, смотря на других, действительно часто происходило с чувствами Пьера, но он не придавал этому значения.

Всё это – не более, чем шутка, и герой сцены может извращать её по своему усмотрению. – сказал Пьер, совершенно не тронутый словами Лоренцо.

- **Всё** для тебя – какая-то шутка? – В недоумении спросил Лоренцо – Когда, пару лет назад, ты корчился от боли в ужасной лихорадке, тебя выворачивало наизнанку от рвоты и ты просил меня закончить эти мучения, тебе было не до смеха.

- Не более, чем временное помутнение рассудка. А ведь тогда я облегчал свои страдания, представляя себя в объятии девушки, с которой перестал общаться спустя некоторое

время после этой болезни. Как хочешь, Лоренцо, а я остаюсь при своём: *всё* – «субъективный идеализм, чистая феноменология»¹, как писал Пруст, а потому *всё* – шутка!

- Тогда, получается, вся твоя личность, все твои переживания, вспоминая – тоже шутка? Ты сам – тоже шутка? – Произнес Лоренцо, уже предвкушая добычу в сетях своей логической ловушки.

- Получается, так.

- Что ж, это значит, что ты – герой анекдота, хоть, может, и главный, но совершенно безвластный за его пределами. Ты, Пьер, такого же качества, как и всё вокруг тебя, а если ты такой же степени «шутливости», как и всё остальное, то ты должен относиться к нему как к равному, то есть – к серьёзному.

— Моя галлюцинация не должна противоречить моим убеждениям. – Шутливо ответил Пьер. Стоит отметить, что из них двоих солипсистами были оба, но ввиду очевидного противоречия, которое возникает при общении двух солипсистов, они часто шутили над этим.

— Это кто еще чья галлюцинация! – спросил Лоренцо, усмехнувшись. Они расхохотались, и настроение их было настолько поднято этой легкой конфузией, что оба и не заметили, как очутились перед входом в библиотеку. Крыльцо было недавно отремонтировано, так что, смотря на его белые

¹ Марсель Пруст, «Под сенью девушек в цвету»

стены, на надпись «Научная Библиотека», на голубое стекло постмодернистского небоскреба, Пьер ощутил, что мир уже не будет прежним, что он – человек новой эпохи. Такое технократическое упование часто захлестывает юные умы. Однако по приходе в здание перед ними открылась другая картина: в «здании будущего» стояли нелепые деревянные столы, какие стояли, наверно, и в XVIII веке у любого аристократа или купца, на нелепых металлических ножках, создавая впечатление кустарности происходящего. За ними сидели охранники – обычные, до карикатурности обычные люди лет пятидесяти, с морщинами и щетиной на уже немолодом лице, с небольшим животом, появившемся, по распространенному мнению, вследствие употребления алкоголя. Ни о какой техно-утопии речи больше быть не могло.

Они прошли в зал заседания и сели к остальным, за стол. Обсуждение было решительно неинтересным, однако Пьер живо разговаривал и следил за ходом диалога.

«На самом деле, то, о чём говорит Джек Лондон², уже говорил Ницше: мы судим по поступкам не самим по себе, а в некоем контексте. Ницше говорил, что, если бы были предосудительные *a priori*³ поступки, мир был бы вообще ни на что не годен. Насилие внутри общества – это убийство, а за

² Имеется ввиду произведение Джека Лондона «Межгалактический скиталец»

³ До опыта; независимый от опыта (лат.)

пределами общества – борьба за родину⁴. Есть еще и другие примеры. Общество, в этом отношении, лицемерно, можете не сомневаться!». Во время своей речи Пьер, однако, заметил интересную вещь: он говорит как бы «на автомате», в этот момент думая: «какую же незначительную чепуху я несу! Разве я когда-то выступал против лицемерия? Да и зачем расходовать время на обсуждение настолько очевидных вещей? Лицемерие общества же очевидно, очевидно настолько же, насколько очевидно, что $2 + 2 = 4$!». Тем не менее, Пьер не останавливался. Ему не попытались возразить, и даже Лоренцо, который, кажется, вступал в спор с Пьером по любому поводу, не выступил против: моральный релятивизм, следующий из слов Пьера – то небольшое, в чем оба были согласны. Но обсуждение уже подошло к концу, все начали расходиться. Наши друзья возвращались домой вместе.

- Послушай, Пьер: ведь наша жизнь – единственное, что у нас есть – начал диалог Лоренцо.

- Но жизнь невозможно потерять, в том-то и проблема! Умереть нельзя. Я приводил тебе аргументы в пользу бессмертия. Взять хотя бы размышления Эпикура.⁵

- Неважно, пусть так; но, если мы предполагаем суще-

⁴ Фридрих Ницше, «Воля к власти»

⁵ Эпикур – античный философ. Считал, что смерть находится за пределами жизни. Он говорил: «Пока я жив – смерти нет. Когда же смерть наступает – нет уже меня».

ствования высшего мира, существование которого следует из теоремы Геделя о неполноте⁶, при этом зная о бесконечной ценности жизни, не можем ли мы сказать, что высший мир создал нас исключительно для того, чтобы мы жили? Следовательно, мы должны увеличивать количество жизни внутри себя, а единственный способ этого – наслаждаться! Но нам также не стоит забывать, дорогой друг, что сиюминутное удовольствие не должно рушить долгосрочное благо.

- Выводить из метафизики⁷ мораль... Это – бред.

— Это не мораль. Это этика.

- Я не помню твоего деления на мораль и этику, ибо мне это не интересно. Морали не существует и точка.

- Мораль относится к обществу, этика – к себе, различие просто.

- Мне безразлично.

- Разве мы занимаемся философией не ради того, чтобы понять, как жить, ради этики?

- Нет, милый Лоренцо, мы занимаемся философией ради науки.

Разговор был окончен: сказать обоим было более нечего. Они разошлись.

⁶ Любая достаточно сложная логическая система включает в себя утверждения, не выводимые из неё самой.

⁷ Метафизика – область философии, исследующая фундаментальное устройство Бытия

На другой день Пьер проснулся, полностью выспавшись. Он отправился на съемки фильма, в котором был актером. Всё шло достаточно хорошо: Пьер делал все движения отлажено, безошибочно, пока не прозвенел будильник: Пьер проснулся вновь. В его голове промелькнула странная, малообоснованная, но оттого не менее занимательная мысль: «А ведь забудь я поставить будильник, я, может быть, и остался жить в том мире, где всё хорошо, навсегда». Он не торопился вставать, ибо совершенно не выспался. Периодически сон побеждал его, и тогда он слегка вскакивал, чтобы не заснуть. Наконец, нарратив текущей реальности победил: он встал с кровати.

Сегодня Пьера ждали «дела», как принято называть в нашем обществе такое времяпрепровождение. Сперва он направился в приют для бездомных животных, где занимался волонтерством. Весело проведя время, Пьер пошёл на работу, по дороге проходя стачку политических активистов. Посмотрев на их флаги, послушав мельком их слова, можно было заключить: монархисты боролись с коммунистами.

- За правое дело! – крикнул Пьер, обращаясь ко всей толпе. Голос его раздался поразительно громко и высоко, так что был замечен некоторыми выступающими, которые невольно подумали: «Да! За правое дело!», и каждый из них, без сомнения, подумал, что этот незнакомец поддерживает именно их. В действительности же Пьер кричал исключи-

тельно для собственного удовольствия. После этого шёпотом он проговорил: «Чуму на оба ваших дома!». Пьер одинаково презирал обоих. На работе Пьер принялся за свои юридические обязанности: составление документов, доведение их до идеала точности и определенности. Ни одна запятая не могла быть пропущена им, и каждая запятая была поставлена в строгом соответствии с нормами языка. В этой лингвистической игре Пьер забывался, и время пролетало незаметно. Кроме запятых Пьер обожал расставлять и другие знаки препинания, находя в каждой мелочи великий грамматический смысл. Идиллию прерывал лишь охранник, выгоняя Пьера с рабочего места ввиду позднего часа.

Уже выйдя на центральную улицу города, выложенную брусчаткой и напоминавшую ему строгую Прусскую дисциплину, вглядываясь в каждый её кирпичик, находя в нем олицетворение своей логической работы, он услышал за своей спиной знакомый голос:

*- И с непонятной быстротой
Кружась, несется шар земной.⁸*

Лоренцо, также обожавший центр за его величественные деревья, ровные аллеи и его неудержимое, на первый взгляд, постоянное движение, которое, впрочем, для отдельного наблюдателя казалось бессмысленной игрой: уже привычные машины больше походили на игрушечные, прохожие – на

⁸ Иоганн Гёте, «Фауст»

неумело разыгрывающих спектакль актеров, да и Лоренцо походил на театрала: своей походкой, игривыми длинными волосами, развивающиеся легко, по-французски, при самом незначительном ветре, в отличии от волос Пьера, обычно вычесано-строго спускавшихся до плеча. Карие его глаза, к его великому сожалению, были не способны скрыть ни одну эмоцию, ни одну мысль, таившуюся у него в голове.

- Нет более правдоподобного объяснения этим зевакам, чем то, что они играют лично для меня – бросил Лоренцо вслед за стихотворением, указывая на людей вокруг – Ха, и ты решил присоединиться к ним, Пьер? И как тучного логика занесло в театральное училище? Впрочем, нет, этот вопрос я должен задать себе, ибо именно я по какой-то причине дал тебе эту роль.

- Спектакль Бытия поставлен им самим, и ты, как и я, актеры, равные по своей форме, или, выражаясь логическим языком, «классом объектов» - сухо, с явным раздражением ответил Пьер. Нельзя было заявить, что Пьер в этот момент отверг свой солипсизм. Но сомнение друга выводило из себя уставшего человека, который, к тому же, считал себя таким же единственным субъектом во вселенной, как и Пьер: иными словами, он обладал таким же огромным сомнением, как и Лоренцо.

- Но ведь именно наблюдатель заставляет квантовую функцию схлопнуться и определиться. Откуда мне знать, что ты тоже наблюдатель, а не мой сон?

- Ты, Лоренцо, сегодня на редкость легок. Еще один шаг и ты признаешь, что *всё* – шутка?

- В такое мне ребячество не впасть. Скажи, видел ли ты сегодня *студенток*?

Пьер забыл о них, как только сон увёл его из нарратива земной жизни, как игрок в мафию забывает свою предыдущую роль после того, как получает новую. От тяжелой ноши ответственности отвечать друзьям на житейские вопросы Пьера спасло лишь обстоятельство повстречать их общезнакомого, г-на Сэмми.

- Вижу знакомое лицо! – Воскликнул Пьер. – Какими судьбами?

- Очевидно, моими! Волею моей судьбы! Дорогой друг, как вы? – с легкой иронией произнес Лоренцо, еще не отошедший от опьянения собственной гениальностью, нашедшую свой выход, по его мнению, в превосходном метафоре театра.

- Иду со свидания с девушкой

- Куда?

- На свидание с девушкой

- Не отходя от кассы! Вот, как надо жить, мой милый Пьер! Вместо того, чтобы копаться в пустых и скучнейших вещах, придайтесь лучше наслаждению любви! Сэмми, где вы смогли познакомиться с ними?

- С одной – в университете, в другой – в баре, за бокалом вина.

- Ах, за бокалом вина! Вот оно, истинное l'art de vivre! La simplicité est la clé de l'élégance!⁹

- Господа интеллигенты, я не знаю французский язык.

- Вам и не нужно, милый Сэмми! Скажите лучше, когда вы пойдете в бар в следующий раз?

- сегодня же, после свидания.

- Сколько оно продлится?

- не более двух часов. Бар находится в тут же, в центре.

- Отлично! Ma fortune va prendre une face nouvelle?¹⁰

Встретимся вечером! – Лоренцо от искреннего восхищения Сэмми (которое читалось у него в глазах), решил, видимо, показать, что «и он не плох», и не нашёл ничего лучше, как продемонстрировать свою образованность.

Сэмми был хорош собой, не худой, но и крепким телосложением похвастаться не мог. Черты лица оставались правильными и при выражении самых сильных эмоций, а чуть выше левого глаза красовалась характерная родинка. «Держит маску» - шутил Лоренцо про него. Искренние глаза выражали либо сострадание и поддержку, либо полную вовлеченность в разговор, и никогда не гнев, презрение или усталость, несмотря на то что Сэмми почти не запоминал той ерунды, что постоянно говорили ему дамы. «Ни одного характера бы не хватило, чтобы проникаться всеми челове-

⁹ Искусство жить! Элегантность в простоте! (Франц.)

¹⁰ Быть может, я теперь не так гоним судьбою? – Жан Расин, «Андромаха».

скими глупостями!» - оправдывал себя Сэмми, когда совесть всё-таки приходила к нему. Ученик кафедры точных наук, он не отличался отменным разумом, однако его интуиция в делах любовных и дружеских восхищала наших философов. Им казалось, что Сэмми обладает секретным знанием, пусть неосознанным, но позволяющем ему достигать любых высот, которые он поставит, от хорошеньких женщин до прекрасных знакомств. Сэмми, в отличие от наших интеллигентов, имел отменное здоровье: очень редко простужался, очки не носил, осанку держал ровно.

Лоренцо и Пьер попрощались с Сэмми и продолжили прогулку в тишине. Через некоторое время они вышли на набережную, откуда открывался величественный вид на широкую реку и бескрайний небосвод.

- Когда я смотрю на солнце, - начал Пьер, - вначале оно кажется мне желтым, но через пару секунд начинает переливаться в синий цвет. Так какого цвета солнце?

- Зависит от времени твоего созерцания.

- Ясное, как солнце, дело, но... *зачем?*

К чему бегут, волнуют звёзды

Нам синеватый небосвод?

Зачем заходят они в гости

Всё будоража весь наш род?

Пьер, для большей эмоциональности, надеясь тем самым задеть своего собеседника, рассказал сочинённое им же сти-

хотворение.

- Таков ход вещей! Если бы не было звёзд, смог ли ты ими наслаждаться? Если бы солнце не переливалось, смог бы ты это подметить? Очевидно, что нет. Каждая мелочь создана, чтобы радовать нас, чтобы наслаждаться ею, и, если даже это не так с некой объективной точки зрения, не всё ли равно нам? Чистая феноменология проявляется не только по отношению к вещам, но и к событиям и нашему отношению к ним.

- Ты, конечно, прав, Лоренцо, но всё-таки ты так и не ответил на мой вопрос: *зачем?* К чему наслаждаться? Ведь это также бессмысленно, как и страдать – тоже бессмысленно.

- Наслаждаться ведь приятнее, чем страдать?

- Так, но такое обоснование не к лицу философу. В такой картине мира любая мелочь, будучи осмысленной как наслаждение, затмит собой всё остальное. И такой радикальный шаг требует железобетонных оснований.

- Такой мелочи вовек тебе не сыскать, Пьер!

Лоренцо имел ответ на вопрос Пьера. Он понимал, что *всё* еще как осмысленно и ценно и нет мелочи, которая опрокинула бы *всё*. Но городские часы пробили восемь часов, и Лоренцо пора было идти, а потому он уже не придавал значению словам Пьера. Они расстались.

Пьер направился домой, раздосадованный всем произошедшим за сегодня. Приходя домой, он запирался в своей

комнате, больше похожей на келью, и надеялся воплотить в жизнь то, что задумал, пока находился вне дома. Но, как это часто бывает с некоторыми породами людей, отличающихся от прочих губительным сочетанием лени с мечтательностью, Пьер не находил в себе сил сесть за философскую работу, проводя время в прокрастинации. К ночи совесть, до того терпевшая отговорки о том, что времени еще предостаточно, начнет одолевать его, и тогда он ряди приличия сядет за письменный стол или откроет книгу. Но в этот момент его лени на помощь придет сон, и со словами: «нельзя заниматься чем-то серьезным, находясь в плохом расположении духа» Пьер пойдет спать, надеясь, что завтра-то он обязательно сядет за работу. Засыпать он будет долго, ибо постоянно будет погружаться в мечтания. Один раз он даже решил не думать перед сном для укрощения бессонницы, однако через неделю с удивлением обнаружил, что без вечерних мыслей у него вовсе пропадает желание жить. «Как будто желание жить у тебя до этого было» - иногда замечал Пьер, поэтому лучше было бы использовать слово «сносность»: без вечерних грёз жизнь Пьера становилась несносной.

Лоренцо же бодро пошёл к бару, и через пятнадцать минут уже заходил в него. По обыкновению пятничного вечера в баре было много людей, танцующих под громко играющую музыку. Сэмми появился не сразу, но наш философ и без него влился в реку неудержимого веселья. Он танцевал,

периодически закрывая глаза, чтобы придаться мгновению целиком, после чего он обязательно задевал кого-нибудь человека, и в легком страхе от социального контакта открывал глаза. Он не стремился к центру танцпола, танцевать умел плохо, но и в углу не стоял. Словом, никак не выделялся, так что Сэмми лишь с некоторым усилием отыскал его. Сэмми уже чутка выпил, потому сходу завязал с Лоренцо диалог.

- Давно тут?

- С полчаса.

- Познакомился уже с кем-нибудь?

- О нет, милый Сэмми, еще ни с кем.

— Это почему так, Лоре?

- Не представилось возможности, все танцуют, да и музыка громкая... – Неуверенно попытался оправдаться Лоренцо, однако Сэмми мигом это понял.

- Стесняешься?

- Стесняюсь...

- Ерунда! Сейчас исправим!

В этот момент был объявлен конкурс на знакомства вслепую. Десять парней и десять девушек должны были выйти на сцену, встать напротив друг друга и закрыть глаза. После этого организаторы передвигали людей из обоих шеренг в случайном порядке так, чтобы никто из участвующих не мог определить, кто стоит с ними в паре, а также завязывали им глаза. Потом пары должны были сблизиться и начать разговор. Спустя несколько минут участники должны были ска-

зять, понравился ли им их партнер или нет. «Отказников» отводили в отдельное место, дабы они не узнали, кто был их парой, после чего все снимали повязки. Пары обнимались и уходили со сцены вместе. Сэмми, только услышав объявление, сразу схватил Лоренцо за руку и поволок на конкурс. Лоре, как решил называть его Сэмми в отместку за обращение «милый Сэмми», оказывал упорное сопротивление, но Сэмми не составило труда довести его. Они вместе поднялись на сцену, где уже выходили другие участники. Когда им завязали глаза, Лоренцо взял Сэмми за руку для «смелости», а Сэмми шепнул ему:

- что может быть самое страшное в таком конкурсе?
- Девушка будет некрасивой?
- Для тебя, Лоре, самым страшным будет, если девушка окажется сильнее тебя, что гарантировано с твоим телосложением!

Оба посмеялись. Время неудержимо шло, и конкурс – тоже. Их развели в разные стороны. Наконец, настала пора сходиться. Лоренцо услышал высокий, милый голосок.

- П... Привет...
- Привет
- Как тебя зовут?
- Лоренцо, а тебя?
- Лиза. Но ведь ты меня обманываешь?
- Почему?
- Я не верю, что тебя зовут Лоренцо, может как-то проще?

Пьер?

- Я знаю одного Пьера, но, за исключением имени, он простоту не признает.

- Интересно. Это как?

- Если мы подружимся, я обязательно тебя с ним познакомлю, и ты сама всё поймешь.

Знакомство удалось. Они начали говорить на разные, обычные темы, и когда нужно было вынести свой вердикт, оба сказали «да». Они сняли повязки и увидели друг друга. Напротив тощего, как смерть, Лоренцо, чьи темные волосы аккуратно спускались до скул, создавая впечатление, будто он под сенью прекрасного, а очки, наоборот, приносили ему учёности, стояла светлая девушка, не худа, но и не полная, с голубыми глазами. Волосы её были в меру длинны, и, будучи распущены, слегка колыхались от летнего сквозняка. Конкурс закончился, и они спустились вниз. Лоренцо угостил Лизу коктейлем, и оба закружились в танце.

«Алкоголь даже не чувствуется! Люблю этот бар!» - крикнула Лиза Лоренцо, на что тот лишь улыбнулся.

- Когда мы погружаемся в удовольствие, нам кажется, во-первых, что не такое оно уж и удовольствие, и, во-вторых, оно никогда не закончится. «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» - писал Гёте. Когда же мгновение неумолимо убежит, останется лишь воспоминание о нём, и лишь тогда мы его по-настоящему полюбим, восхитимся им, но уже будет

слишком поздно, ибо момент упущен. Поэтому *carpe diem*¹¹, милая Лиза! – Лоренцо почувствовал такую радость от знакомства, что осмелился быть самим собой, и говорить всё, что ему приходит в голову. Лиза же быстро утомилась рассуждением Лоренцо, которое, впрочем, ввиду громкой музыки, до неё почти не доходило. Лиза отошла в туалет, где пересеклась со своими подругами, пришедшими с ней как ради эмоциональной поддержки, так и ради обыкновенной безопасности, и, вернувшись на танцпол, осталась с ними, в другом конце зала. Тем временем Лоренцо нашёл Сэмми. Сэмми, в свою очередь, познакомился с другой девушкой, третьей за этот день, но уже успел попрощаться с ней, ибо они друг другу не понравились.

- Как твоя? – начал Сэмми
- Отошла куда-то, но она обязательно вернётся, я не сомневаюсь!
- Наивный. Нужно искать другую.
- Зачем?
- Лоренцо, мне ли тебя учить мудрости? Даже если она вернётся, всё равно: две – лучше одной.

Но пока новых конкурсов не было, оставалось лишь танцевать и общаться. Конечно, теоретически оставалась возможность подойти к любой на одиноко стоящей на вид девушки и познакомиться, однако Лоренцо еще не был на-

¹¹ Дословно: «сорви день», однако часто переводят как «лови момент» (лат.)

столько смелым в первый день своей сверхсоциальной жизни. Лоренцо направился к барной стойке, чтобы взять себе очередной безалкогольный коктейль, которым, к слову, он и угостил Лизу, и стал ожидать свой заказ.

- О, еще один чудик! Пришёл в бар, а алкоголь не пьёт! Ха-ха! — с нескрываемым удовольствием сказал бармен — посмотри, милый человек, рядом с тобой такой же сидит, всё молоко с клубникой и пьёт.

Рядом действительно сидел человек. Уже нельзя было назвать его юношей, но и «средних лет» он еще тоже не был. Словом, формулировка «молодой человек» оказалась самой удачной. Первое, что бросалось в глаза при его виде – грязные волосы и поношенный, хотя и еще элегантный костюм. Взглянув на лицо, Лоренцо увидел синяки под глазами, словно этот «молодой человек» не спал несколько ночей, а голову он подпирал рукой, вероятно, чтобы не уснуть тотчас же.

- Извините, - начал говорить слегка раздосадованный Лоренцо, - вы тоже противник алкоголя?

- Я? О нет, дело совсем не в этом. По молодости я много пил. Около одиннадцати лет назад я зашёл в этот бар, а очнулся уже дома ничего не помня.

- С тех пор вы перестали пить?

- Конечно нет! Это меня вовсе не остановило. С того случая мой алкоголизм продолжался около трёх лет. Сейчас же я просто не могу позволить себе пить, и я вовсе не беден. У меня практически нет свободного времени, и опохмеляться

мне некогда.

- Как вас зовут?

- Пауль. Вас?

- Лоренцо.

- Вы, получается, являетесь противником алкоголя, Лоренцо?

- Мне думается, что алкоголь подменяет собой суть вещей. Если я начну пить, даже в самых незначительных дозах (использую именно это слово специально, ибо алкоголь – такое же психотропное вещество, как и другие, к которым применяют слово «доза»), я быстро потеряю себя и свою суть. Я желаю, чтобы мое наслаждение было чистым, то есть лишённым алкоголя, чтобы жажда чего-нибудь, какой-нибудь вещи было моим, а потому истинным. Наоборот, начав пить, я потеряю эту чистоту, а после закономерно приду к выводу, что без алкоголя я уже не могу быть счастливым или, что является закономерным развитием зависимости, кроме алкоголя мне ничего в целом и не нужно. Напротив, сохраняя эту, как я выразился, «чистоту желания», я, во-первых, полностью могу его контролировать, во-вторых, оно остается разнообразным и не сводится к единому знаменателю.

- Ваша позиция интересна, но можно ли сказать, что нежелателен именно алкоголь, или дело (Пауль любил использовать слово «дело» и фразеологизмы, с ним связанные) в том, что нельзя сводить всё к одному знаменателю, хотя, сказать честно, нахожу вашу аналогию с математической дро-

бью неудачной и предпочту использовать другую – зависеть от одного источника наслаждения?

- Зависеть от одного источника недопустимо, ибо в противном случае жизнь превратится в служение этому источнику.

- То есть алкоголь сам по себе не опасен, если не подменяет собой всё остальное? Если у меня есть другие сильные радости, например, любовь, работа разговоры с друзьями, то алкоголь можно пить?

- Я остаюсь при мнении, что алкоголь затмит собой всё остальное, какие бы сильными опоры не были, однако, я не желаю дискутировать об этом, ибо я не биолог.

- Я тоже не биолог, Лоренцо, и потому очень рад, что вы не сводите дискуссию в спор о биологическом вреде, тем более что у меня есть куда более сильное, на мой взгляд, замечание: а что плохого в том, чтобы жить ради одного источника, служить одному источнику? Ведь мы называем героями тех, кто отдает всего себя на службу общественному делу.

- Ах, Пауль, я этик, а не моралист. Вам, вероятно, разница между этикой и моралью неизвестна, ибо это лишь моё деление, но я вкратце поясню: этик есть эгоист, а моралист – альтруист. И поэтому я не могу назвать героями таких людей.

- Плохо ли служить одному? – настаивал Пауль – Откуда зло?

- Мы – люди, и мы имеем сложную структуру желания. Не удовлетворяя все наши желания, мы деградируем, а служа

лишь одной цели, мы из сложного организма превращаемся в инструмент её достижения.

- Почему плоха деградация? Лоренцо, вы назвались аморалистом, а рассуждаете так, словно слово «деградация» должно меня убедить.

- Ведь наша сложность нам дана не просто так, значит, это зачем-то нужно.

- Кому нужно? Богу?

- Например, ему, или какому-нибудь высшему миру...

- Но, если убрать из рассуждений Бога, это останется злом?

- Убрав Бога, зло, как и добро, пропадёт вовсе, ибо добро и зло существуют лишь относительно Бога.

- Таким образом, Лоренцо, мы пришли к моральному релятивизму, а значит вы спокойно можете пить. Однако, несмотря на сделанные нами выводы, я всё-таки не выпью и капли спиртного.

Пауль хотел сказать еще что-то, но в его кармане зазвонил телефон, и он, не дождавшись своего напитка, выбежал из бара, напоследок, однако, успев сказать Лоренцо:

- приходите еще в этот бар, я частенько тут бываю!

Лоренцо призадумался и, уже приняв ту позу, в которой до него сидел Пауль, стал размышлять. Он не был верующим в традиционном понимании, он был философом. Он не признавал ни одного пророка, ни одной религии. Мораль-

ный релятивизм для него был истинной, ибо он придерживался этической концепции, а не моральной. Однако слова Пауля немного задели его, он стал колебаться. «что значит *carpe diem*, если не сиюминутное наслаждение? *Après moi, le déluge!*¹² Ах, я ведь умру с закатом солнца, когда лягу спать, ибо утренний я – уже совсем другой человек... С другой стороны, этическая концепция завещает нам жить рационально, чтобы первый день был основой для удовольствий дней последующих».

Вдруг кто-то положил на плечо Лоренцо руку. Он вздрогнул от неожиданности, испугав бармена, уже несущего его коктейль. В этот момент свет погас, дав волю и без того раскрепостившимся людям. Тем не менее бармен в спешке вручил Лоренцо напиток, после чего незнакомая рука спустилась ниже, ухватила Лоренцо за руку и резко дернула его, завлекая в вихрь танца. Пробиваясь через толпу, незнакомец уводил Лоренцо всё дальше, а Лоренцо, сильно потрясённый происходящим, и не пытался вырваться. Впрочем, попытка вырваться не увенчалась бы успехом, ибо Лоренцо был очень слаб. Наконец, людей стало меньше, и Лоренцо смог различить своего похитителя: это была Лиза. Лоренцо заметно повеселел. Лиза вывела его к небольшому свободному участку у окна, где, кроме них, находился также Сэмми с компанией девушек.

¹² После меня хоть потоп! (Франц.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.